

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
на годъ (50 №№) . . 20 франковъ
» 3 мѣсяца 6 »
» 1 мѣсяцъ (4 №№) 2 »

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Отдѣльные нумера продаются
по 50 сантим. въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève.
Желающихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просить обращаться по тому же адресу.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 50 centimes.

ВТОРНИКЪ 17 января 1882
5 января

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Необходимость для русскихъ земствъ выйти изъ законности, чтобы достигнуть болѣе совершеннаго правового порядка. — 2) Австро-русскій протоколъ и конфиденціальный циркуляръ берлинскаго правительства. — 3) Извѣстія изъ Мостара и Сараева и наша готовность служить дѣлу свободы балканскихъ народовъ. — 4) Еще разъ «Русь» г. Аксакова о «Вольномъ Словѣ». — 5) Изъ Петербурга (отъ постоянного корреспондента «Вольнаго Слова»). — 6) Эмигранты и революціонныя дѣйствія въ Россіи, М. Д. — 7) Огвѣтъ г-на Драгоманова на письмо г-на Пинаповскаго въ «Общественное Слово». — 8) Хроника рабочаго движенія: I Соединенные Штаты Сѣв. Америки. II Франція. III Венгрія. IV Италія. — 9) Извѣстія и Замѣтки. — 10) Объявленіе о всемірномъ рабочемъ конгрессѣ въ Палермо. — 11) Опечатки.

ЖЕНЕВА, 17 января, 1882 г.

Мы посовѣтовали нашимъ общественнымъ дѣятелямъ «sortir de la légalité pour entrer dans le droit» въ ихъ стремленіи обновить нашу государственную жизнь участіемъ «всей земли» въ разрѣшеніи назрѣвшихъ вопросовъ. Безъ идеала невозможно никакое творчество, творчество же въ государственной жизни имѣетъ своимъ идеаломъ право и выражается въ возможномъ осуществленіи этого идеала, нерѣдко стоящаго въ прямомъ противорѣчій съ положительнымъ закономъ или недостижимаго путемъ законности. Выходъ изъ предѣловъ послѣдней, для достиженія болѣе совершеннаго, правового порядка, не только оправдывается съ точки зрѣнія юридической науки, но и становится необходимымъ, какъ стихійная необходимость, когда законодательная власть не находится въ рукахъ народа. Отчасти по недомыслию, въ большинствѣ же случаевъ изъ чувства самосохраненія и никогда по праву, хотя и на законномъ основаніи, «власти предержащихъ» и въ спокойное время противятся выходу управляемыхъ изъ состоянія безправія. Въ труд-

ныя же минуты государственной жизни онѣ имѣютъ обыкновеніе изъ-за окоповъ «дѣйствующихъ законовъ» производить усиленные хищническіе набѣги въ самую глубь правовой жизни народа, вырывая одно за другимъ прибрѣтенныя долгимъ трудомъ и борьбою права общественной свободы и личной безопасности. И эта-то баранта именуется ими «усиленною» или «чрезвычайною охраною», это расхищеніе человѣческихъ правъ выдается за мѣры, направленные къ огражденію общественнаго спокойствія! Сознательной части народа не только чувствуется, но и видится, что такими мѣрами водворяется не внутренний миръ, а нравственная придавленность приверженцевъ порядка, достигается не успокоеніе умовъ, а угнетеніе духа, упадокъ, если не полное исчезновеніе творчества, и, какъ глухой протестъ противъ насилія не только надъ правомъ, но и надъ законностію, — растетъ всеобщее недовольство, апатія въ работѣ частной и общественной и, какъ передаютъ намъ уже бѣжавшіе отъ отечественной духоты за границу, среди даже наиболѣе благодепствующихъ, по видимому, классовъ населенія съ каждымъ днемъ усиливается желаніе «бросить все и бѣжать, куда глаза глядятъ». Исторія Ордына Нащокина начинаетъ повторяться на благословенной Руси — и она гораздо поучительнѣе и грознѣе тѣхъ юношескихъ порывовъ и еще недозрѣвшихъ замысловъ 70-хъ годовъ, которые, подталкиваемые впередъ реакціей, завершились событіемъ 1-го марта.

Покуда вопросъ о безопасности касался одного главы государства, сознательная часть народа могла предоставить охранную работу полицейскимъ властямъ, но коль скоро ревность закономъ установленнымъ охранителей и охранителей изъ любви къ искусству дошла до посягательства на права и личную свободу нивъ чѣмъ неповинныхъ и довела органы общественной дѣ-

тельности до нынѣшней ихъ несостоятельности управиться законными средствами, до нравственнаго и денежнаго банкротства*), довела народъ до обнищанія, а страну до раззоренія**), сдѣлала Россію посмѣшищемъ въ глазахъ цивилизованныхъ народовъ и игрушкою для ловкихъ политиковъ на театрѣ международныхъ сношеній; когда, наконецъ, къ довершенію стыда, для переговоровъ съ ея государственнымъ людьми посылается женщина съ сомнительнымъ прошлымъ, — тогда, полагаемъ, нашему земству, нашимъ городамъ нечего болѣе проникаться уваженіемъ къ тому законному порядку, который составляетъ причину причинъ бѣдствія и униженія народа, но, сговорясь между собою и стряхнувъ съ себя путы законности, слѣдуетъ открыто, честно и твердо заявить правительству волю земли, поднять голосъ во имя такъ долго попираемыхъ правъ и достоинства народа.

Настала пора рѣшительнаго отказа при-служничать агентамъ власти, начиная отъ министра и кончая урядникомъ, пора самостоятельной, свободной, исполненной гражданскаго достоинства и плодотворной дѣятельности.

Не въ качествѣ пособниковъ чиновныхъ инородцевъ, подручниковъ министерскихъ канцелярій, а въ качествѣ гражданъ земли русской подобаетъ земцамъ и городскимъ представителямъ приняться неотложно за великій трудъ внутренняго устроения.

*) Напр., земство Звенигородскаго уѣзда Моск. губ. уже два года не получаетъ съ населенія сборовъ на свои надобности, такъ что принуждено остановить всѣ работы и даже закрывать школы, по невозможности уплачивать жалованье учителямъ. Между тѣмъ исправникъ и другія административныя власти получаютъ полное «довольствіе» изъ средствъ, безпощадно взыскиваемыхъ съ того же населенія.

**) Безвыходность положенія при нынѣшнемъ порядкѣ вещей особенно ярко очерчена въ заявленіи 22-хъ гласныхъ, внесенномъ нѣсколько мѣсяцевъ на обсужденіе послѣдняго харьковскаго губернскаго земскаго собранія.

ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА.

(Отъ постоянного корреспондента «Вольн. Сл.»)

Приверженцы нынѣшняго министра внутреннихъ дѣлъ находится въ восторгѣ, который трудно и описать. Ихъ патронъ не только умѣетъ избѣгать покушеній революціонеровъ, но и придворныхъ опалъ; напротивъ, враги его и соперники нападутъ одинъ за другимъ. Такъ, генералъ Черевинъ, который едва спасся отъ револьвера, возмечталъ было, что этотъ аттестатъ откроетъ ему дорогу почестей, но спотыкнулся, какъ прежде Барановъ о хитрость восточнаго человѣка. Объ Игнатьевѣ теперь говорятъ, что онъ сталъ le maître de la situation. Такъ ли это и надолго ли?—не знаю, передаю, какъ мнѣніе о немъ людей болѣе или менѣе независимо судящихъ. Что же касается роя его поклонниковъ, увеличивающагося соразмѣрно успѣху согрѣвающаго ихъ свѣтила, то любовитно послушать о чемъ только они ни похвѣли! О ловкости уже не говорятъ, такъ какъ она «извѣстна», выставляютъ болѣе всего на видъ скромность и прилежаніе государственнаго министра (точно рѣчь идетъ о гимназистѣ) и прибавляютъ даже: «посмотрите какъ онъ сталъ серьезенъ». Что можетъ быть прелестнѣе этой похвалы? Государственный мужъ, освобождавшій народы и разрушавшій царства на Востоку, а теперь не то охраняющій, не то разрушающій всероссійское царство, по словамъ его собственныхъ приверженцевъ и поклонниковъ, до настоящаго времени еще не былъ серьезнымъ человѣкомъ! Впрочемъ, это едва ли не самая вѣрная характеристика всѣхъ нашихъ правителей.

Товарища на мѣсто неосторожнаго мечтателя карьеры, Черевина, Игнатьевъ получилъ разрѣшеніе выбрать самому и, говорятъ, онъ, уже выбравъ теперешняго начальника охраны Зурова. Объ этомъ бывшемъ петербургскомъ градоначальникѣ и зятѣ Игнатьева можно сказать положительно, что мечтаетъ онъ ни о чемъ не будетъ и изъ повиновенія у начальства никогда не выйдетъ.

Нѣсколько словъ о «подвигахъ» министерства внутреннихъ дѣлъ:

На послѣдней недѣлѣ полиціи тайной и явной удалось выслѣдить и захватить огромное количество «опаснѣйшихъ» террористовъ, такъ въ одномъ Петербургѣ 15 человѣкъ и въ Ростовѣ на Доу — 18. Какъ же, значить, дурно было извѣщено правительству, когда оно, по поводу процесса Тригоны и компаніи, объявляло, что главные вожди революціи переловлены. Отношенія, разыгравшіяся именно на этой недѣлѣ между Игнатьевымъ и Черевинымъ, заставляютъ меня думать — не было ли между ними обонимъ соперничества въ ловкѣ и травлѣ? не хотѣлъ ли одинъ показать, какъ бы онъ сумѣлъ заправить министерствомъ полиціи, а другой, что такого министерства создавать не нужно, такъ какъ министръ внутреннихъ дѣлъ и есть настоящій министръ полиціи?

Не менѣе замѣчательна другая отрасль дѣятельности министерства—полиція идей, т. е. цензура. Вы помните, что усиленіе графа Игнатьева въ министерство было ознаменовано отъменою цензуры для иностранныхъ газетъ, крохъ издаваемыхъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, — мѣра, которой особенно

радовались читатели «Times». Теперь я только что узналъ, что эта либеральная мѣра подверглась пересмотру въ «ограничительномъ» духѣ. Цензура восстановлена не только для газетъ, которыя были подчинены ей въ до-игнатьевское время, но распространена и на такія, къ которымъ никогда не примѣнялась, такъ напр., на газеты норвежскія. За то — нѣтъ гнѣва безъ милости — дозволенъ ввозъ совершенно безцензурныхъ всѣхъ газетъ датскихъ и голландскихъ. Что сей сонъ значить?

Но что особенно тягостно для дѣла публики, такъ это наложеніе строжайшей цензуры на всѣ славянскія газеты, журналы и иллюстрированныя изданія. Кромѣ усиленія цензуры, многія изданія запрещены совершенно. Интересно, что основаніемъ для мѣръ противъ славянскихъ газетъ послужили — для болгарскихъ — списки, присланный болгарскимъ Игнатьевымъ — Ремелингеномъ, — для сербскихъ же списки, конфиденціально доставленные въ-спискомъ прессы-бюро!!

Меня увѣряютъ изъ серьезнаго источника, что на собиравшемся недавно Семейномъ Совѣтѣ въ Гатчинѣ, принято рѣшеніе продолжить пребываніе тамъ царской семьи и двора на неопредѣленное время *).

И. Ф.

ЭМИГРАНТЫ И РЕВОЛЮЦІОННЫЯ ДѢЙСТВІЯ ВЪ РОССІИ.

Съ нѣкотораго времени въ итальянскомъ журналѣ «Il Pungolo» напечатаны рядъ статей подъ заглавіемъ «La Russia Sotterranea» (Подземная Россія). Статьи эти, обнаруживающія въ авторѣ близкое знакомство съ дѣломъ, посвящены характеристикѣ революціоннаго движенія въ Россіи съ 70-хъ годовъ и его важнѣйшихъ дѣятелей. До сихъ поръ явилось 7 статей, изъ которыхъ первыя имѣютъ въ виду общую характеристику движенія, сначала пропагандистскаго, а потомъ т. н. террористическаго, — а дальнѣйшія даютъ портреты личностей: Якова Стефановича, Валеріана Осинскаго, Дмитрія Клеменца и пр. Седьмая статья посвящена г. Петру Крапоткину и заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, любопытный и, по нашему мнѣнію, вполне вѣрный отзывъ объ отношеніи эмиграціи къ революціонной дѣятельности въ Россіи въ настоящее время:

«Крапоткинъ, говорятъ тамъ, вовсе не есть «глава нигилизма», какъ его зовутъ во всей Европѣ. Онъ не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на повѣвшее революціонное движеніе, ни литературнаго, потому что, будучи за границею, пишетъ только по французски, ни личнаго, потому что въ настоящее время извѣстенъ въ Россіи только по имени. Какъ бы это ни показалось страннымъ читателю, но этотъ фактъ есть послѣдствіе другаго: Крапоткинъ—эмигрантъ, а всѣ русскіе политическіе эмигранты, которые находятся теперь въ разныхъ городахъ Европы, какъ каждый порознь, такъ и въ цѣломъ, не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія на русское движеніе».

*) На дняхъ мы получили извѣстіе особо, что это рѣшеніе приводитъ общество въ крайне тревожное состояніе, вовсе не гармонирующее съ политикою «успокоенія умовъ».

Причинъ этому явленію авторъ указываетъ двѣ: отдаленность Россіи отъ Швейцаріи, Франціи и Англіи, въ которыхъ сосредоточены русскіе эмигранты (Германіи и Австріи они не довѣряются) и характеръ новѣйшаго русскаго революціоннаго движенія. «Въ Россіи, говоритъ авторъ, борьба ведется не въ области мысли, какъ пять лѣтъ тому назадъ, это борьба вооруженною рукою», — и въ такой борьбѣ участіе эмигрантовъ и даже заглавное участіе знаніе ими замысловъ революціонеровъ—чистая бессмыслица. По свидѣтельству автора, напр., извѣстіе объ убійствѣ Александра II было для эмигрантовъ такимъ же сюрпризомъ, какъ и для всѣхъ другихъ. «Политическое вліяніе русской эмиграціи, говоритъ авторъ «Il Pungolo», въ настоящую минуту, сводится такимъ образомъ къ абсолютному нулю. Заграница—это мѣсто покоя, островокъ, куда пристають всѣ, чью барку разбили или попортнили страшныя волны. Пока эта барка не починена и не направлена опять къ роднымъ берегамъ, эмигранты ничто иное, какъ бѣдняги, потерпѣвшіе кораблекрушеніе, которые, можетъ быть, будутъ когда нибудь опять сильны, но пока не имѣютъ ничего дѣлать, какъ стоять съ скрещенными руками, смотря глазами зависти на страну, гдѣ идетъ борьба, гдѣ умиряютъ или побѣждаютъ, между тѣмъ какъ они, печальные и безпомощные, задыхаются въ вынужденномъ бездѣйствіи, чужіе ко всему, въ чужомъ мірѣ».

Послѣднія слова, впрочемъ, не подходятъ къ г. Крапоткину, такъ какъ онъ принимаетъ участіе, какъ журналистъ, въ европейскомъ социалистическомъ движеніи. Да и вообще, мы думаемъ, что, при извѣстныхъ условіяхъ, русскіе эмигранты могли бы принимать участіе, хоть литературнымъ способомъ, и въ движеніи въ Россіи, конечно, съ его идейной стороны, если не съ практической. Но, по словамъ автора статей въ «Il Pungolo», русская эмиграція вообще не имѣетъ никакого вліянія на движеніе въ Россіи. Что касается въ частности до г. Крапоткина, одного изъ образованнѣйшихъ среди нея людей и, по словамъ автора печатаемыхъ въ «Il Pungolo» статей, «превосходнаго журналиста», то по показанію того же автора онъ не написалъ ни строчки ни въ одномъ русскомъ революціонномъ изданіи ни заграницею, ни въ Россіи, потому что «находитъ всегда какой нибудь пунктъ разногласія въ ихъ программахъ противъ своей ультра-анархической программы».

Это еще разъ показывать, какъ мало даже практическихъ основаній имѣло швейцарское правительство уступать давленію правительства русскаго и удалять г. Крапоткина изъ Швейцаріи, даже не прибѣгнувъ къ суду, какъ оно все таки поступило въ дѣлѣ французскаго эмигранта Брусса и газеты «L'Avant-garde». Впрочемъ, съ русскими вообще, даже и съ не-эмигрантами, иностранныя правительства не церемонятся — и, конечно, не станутъ церемониться, пока въ самой Россіи правительство не сдѣлается хоть сколько нибудь менѣе безцеремоннымъ съ своими подданными.

М. Д.